

Кіевское представительство прежняго времени.

Съ 1499 по 1834 г., т. е. болѣе трехъ сотъ лѣтъ Кіевъ располагалъ свою внутреннюю жизнь по такъ называемому магдебургскому праву, постепенно обрѣзываемому и ослабляемому до совершенной отмѣны и послѣднихъ его принадлежностей въ 1834 г.

Право это хотя заимствовано съ иноземной почвы и во многомъ не согласовалось съ укладомъ *вѣчевой* общины и мѣстными воззрѣніями и обычаями, тѣмъ не менѣе предоставляло городу, которому жаловалось, полную самостоятельность собственнаго управления и суда. Первоначально пожалованное Кіеву великимъ княземъ литовскимъ Александромъ, а потомъ расширенное новыми льготами, пожалованными отъ польскихъ королей, оно скоро пришлось по вкусу кіевлянъ и давало Кіеву полную возможность не только жить спокойно по своей волѣ, но, послѣ понесенныхъ имъ разореній, превратиться снова въ богатый и цвѣтущій городъ, если бы его мирнаго развитія не колебала его страдальческая политическая роль, его благосостоянія не подрывали своекорыстныя стремленія его собственныхъ излюбленныхъ правителей. Кіевъ былъ самъ для себя господиномъ: самъ собою управлялъ, самъ себя судилъ, самъ велъ свое хозяйство. Во всѣхъ этихъ отправленіяхъ своей жизни правомъ магдебургскимъ онъ былъ вполне огражденъ отъ власти и вліянія намѣстника или воеводы, а равно судей коронныхъ, и пользовался льготою отъ многихъ общегосударственныхъ повинностей и налоговъ, владѣлъ обширными землями и угодьями, имѣлъ свое *мыто*, самъ собиралъ свои доходы, самъ „и въ потребностяхъ своихъ изворачивался“. Городская община представляла изъ себя болѣе сплоченности и внутренняго единства и менѣе разносоставности, нежели община нынѣшняго времени подъ всеобщюю думою. Бояре (внслѣдствіи шляхтичи) и земляне, купцы и мѣщане не были разграничены и по складу своей жизни разъеди-

нены, но всѣ вмѣстѣ представляли изъ себя, по своему образованію, развитію, воззрѣніямъ, образу жизни и привычкамъ, одну почти сплошную массу, которой части другъ отъ друга разнились лишь большимъ или меньшимъ достаткомъ. Чиновничества въ нынѣшнихъ его размѣрахъ не было и въ зародышѣ. Городъ управлялъ собою посредствомъ своихъ выборныхъ изъ среды указанныхъ группъ, пользовавшихся въ дѣлѣ управленія равными правами. Слова: мѣщанинъ и купецъ отнюдь не имѣли того особаго колорита и значенія, какое приобрѣли въ послѣднее время, равно какъ шляхтичъ и землянинъ не представляли изъ себя величія недосягаемаго; напротивъ переходъ изъ одной группы въ другую былъ не труденъ и обыкновененъ, и не только снизу вверхъ, но и сверху внизъ.

Правящее учрежденіе города носило названіе Магистрата и было весьма не сложно. Грамотою Сигизмунда-Августа 1544 г. повелѣвалось избирать „судей присяжныхъ, или на уряды потребныхъ людей, числомъ отъ трехъ до двѣнадцати человекъ, смотря по надобности и обыкновенію, хранимому издревле“; но къ тому времени, если не ошибаемся, и надобность и обычай утвердили число двѣнадцать. Этотъ общій составъ городского управленія распадался на двѣ коллегіи съ равнымъ числомъ членовъ, изъ которыхъ одна вѣдала внѣшній порядокъ и хозяйство городское, а другая творила судъ. Въ первой коллегіи предсѣдательствовалъ обыкновенно *воитъ*, представитель вообще городского управленія, избравшійся на всю жизнь, а члены этой коллегіи назывались *райцами* или *радцами* (отъ словъ: радить, раять, совѣтовать), впоследствии *ратманами*; во второй коллегіи предсѣдалъ бурмистръ, а члены носили названіе *лавниковъ* (отъ лавы или лавки, мѣста сидѣнія), т. е. судей. Коллегія административная вѣдала мелкіе проступки и правонарушенія, коллегія судебной подлежали болѣе крупныя искы гражданскіе и дѣла уголовныя; она карала и миловала, владела правомъ жизни и смерти, содержала висѣлицу и палача съ орудіями казни и наказаній. Мечъ, которымъ отсѣкались головы преступникамъ, хранился еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ магистратскомъ складѣ. Въ дѣлопроизводствѣ обѣихъ коллегій преобладалъ элементъ устный надъ письменнымъ. Судъ былъ скорый, хотя не всегда милостивый и правый. Впрочемъ, тяжущіеся и подсудимые пользовались всегда правомъ свободной защиты.

Зданіе, въ которомъ помѣщался городской Магистратъ, носило названіе ратуши, остававшееся за нимъ до переименованія Магистрата въ Думу въ 1834 г. Для содержанія онаго король Сигизмундъ III грамотою 15 февр. 1619 г. пожаловалъ кіевлянамъ собственный его грунтикъ,—гору Щеквицу, нынѣ царство мертвыхъ.

Кіевъ не обязанъ былъ никому, даже самому королю, отчетомъ въ своемъ хозяйствѣ. Тотъ-же король Сигизмундъ III грамотою 1 апрѣля 1620 г. воспретилъ тогда и „на потомные часы“ принуждать кіевлянъ къ дачѣ отчетовъ въ своихъ доходахъ предъ королевскими комиссарами. Одинаково независимъ былъ Кіевъ и въ дѣлахъ собственнаго суда и это гарантировалъ для него еще Сигизмундъ II грамотою 1544 г.

Таковы были „права и вольности, которыхъ Кіевъ уживалъ за славныхъ польскихъ королей“. Но „и когда сія древняя столица всеавгустѣйшихъ предковъ російскихъ государей возвратилась благополучно въ прежнее владѣніе ея, то не токмо всѣ ея привилегіи во всей силѣ высокими самодержцами всеросійскими утверждены, но и общія выгоды и преимущества града сего жалованными высомонаршими грамотами всемилостивѣйше распространены и умножены....“

Дѣйствительно, тою-же грамотою царя Алексѣя Михайловича (16-го іюля 1654 г.), которою повелѣвалось „мѣщанамъ“ (жителямъ) г. Кіева быть подъ крѣпкою рукою его величества, подтверждались и всѣ прежнія его права и привилегіи. Эта подтвердительная грамота въ свою очередь была подтверждаема преемниками Алексѣя Михайловича въ 1700, 1730, 1743 и послѣдующихъ годахъ до царствованія Александра I-го; но отъ всѣхъ этихъ грамотъ, отъ всѣхъ правъ и привилегій, отъ всего городского самоуправления и самосуда, какъ и отъ всей прежней жизни, къ 1835 году не осталось ничего.

И стало это въ силу неотразимаго хода событій, въ силу особаго строя и чѣмъ дальше, все болѣе измѣнявшагося теченія жизни того государства, съ которымъ Кіевъ вновь соединилъ свою судьбу и уже не въ качествѣ его столицы. Царствованіе Алексѣя Михайловича, при которомъ Кіевъ поступилъ подъ державу російскую, само по себѣ было послѣднею гранью прежней автономной жизни областей и городовъ, участія земли въ жизни государства.

Абсолютизмъ Петра I-го, централизовавшаго всякую отрасль управленія и подтянувшаго все подъ свою высокую и крѣпкую руку, всего менѣе оставлялъ мѣста какой либо „вольности“. Последующія правленія шли въ томъ-же духѣ обобщенія власти и управленія, въ размноженіи служилаго сословія, въ раздѣленіи населенія на касты или классы, въ расширеніи и усиленіи правъ однихъ, порабощеніи и закрѣпощеніи другихъ. При такомъ общемъ строѣ и теченіи жизни, не могли сохранить своей силы никакія прежнія пожалованія и ихъ подтвержденія. Жизнь дѣлала свое и—старые порядки должны были уступать мѣсто новымъ. Въ общемъ потокѣ государственной и общественной жизни не могъ составлять исключенія и Кіевъ, а тѣмъ болѣе его полновластный и независимый Магистратъ. Всѣ прежнія привилегіи Кіева, начиная съ самостоятельности митрополи и выборнаго начала въ церковномъ управленіи, падали одно за другимъ. Изъ состава нѣкогда компактной общины городской выдѣлялось, какъ и въ общемъ строѣ общественной жизни, единое привилегированное дворянское сословіе, по пожалованной грамотѣ Екатерины II получившее свое особое самоуправленіе. Еще прежде выдѣлилось духовенство въ особую, со-всѣмъ замкнутую касту. Выдѣлился и умножился классъ правящій, которому одному открытъ былъ доступъ къ дворянству. По мѣрѣ всего этого принижались, оскудѣвали и въ числѣ уменьшались группы купцовъ и мѣщанъ. Кому и кѣмъ было править, кому и кого было судить?

Открытіе въ Кіевѣ намѣстничества, въ правленіе Екатерины II, и введеніе общаго городского положенія, лишь съ нѣкоторыми изытіями для Кіева, сильно понизило авторитетъ городского представительства, ограничило его составъ, сузило кругъ его дѣятельности, словомъ: наносило почти окончательный ударъ автономному управленію Кіева. Правда, въ царствованіе императора Павла I-го, грамотою 19 сентября 1798 г., на нѣкоторое время были возобновлены прежнія права и привилегіи Кіева и Магистратъ былъ восстановленъ въ прежнемъ составѣ и съ прежними названіями членовъ, а въ царствованіе Александра Благословеннаго эти права еще разъ были подтверждены; но прежнія названія были теперь не болѣе какъ пустые ярлыки, а лица, ими обозначаемаыя, простыя пѣшки, ничего не значившія въ общемъ ходѣ жизни и управленія города.

При Екаториѣ II и Александрѣ I перестраивался весь порядокъ государственной и общественной жизни, явился цѣлый рядъ учреждений административнаго, судебнаго и полицейскаго характера, обнимавшихъ собою всю область предметовъ вѣдѣнія Магистрата и не оставившихъ для него почти ничего. Оставалась едва слабая тѣнь прежней административной власти Магистрата и то въ тѣсномъ кругѣ мѣщанства и купечества и его мелкихъ интересовъ. Между тѣмъ все бремя городскихъ повинностей и налоговъ ложилось всею своею тяжестью исключительно на обѣдѣнное мѣщанство. Мѣщане приносили на это жалобу и въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ составленъ по высочайшему повелѣнію особый комитетъ изъ представителей всѣхъ сословій, для приведенія въ извѣстность и равновѣсіе городскихъ доходовъ съ расходами и уравнинія всѣхъ жителей города Кіева въ ихъ повинностяхъ. Стало-ли послѣ этого легче жаловавшимся мѣщанамъ,—мы не знаемъ. Извѣстно только, что для Магистрата составленъ былъ новый штатъ, съ допущеніемъ перевода натуральнаго содержанія на денежные оклады и съ предоставленіемъ городу пользоваться своихъ выборныхъ только деньгами, или деньгами и натурою вмѣстѣ.

Такъ влечилъ свои послѣдніе годы кіевскій Магистратъ до совершеннаго его упраздненія и замѣны столько-же безцвѣтною и еще болѣе безсильною Думою. Какъ-бы въ утѣшеніе кіевлянъ до послѣдняго конца ихъ самоуправленія, имъ оставлена была отъ прежнихъ „вольностей“ еще одна забава, но объ ней скажемъ особо, а теперь dokonчимъ наше слово о старомъ полномъ Магистратѣ.

Кіевскій Магистратъ и подъ польскимъ и подъ русскимъ владычествомъ мѣнялся въ составѣ своихъ членовъ, которыхъ было и большее и меньшее число, смотря по надобности, не свыше однако 12-ти, не считая войта; избирались-же они изъ всѣхъ кіевскихъ жителей „по разуму, способности и достоинству“. Райцы и лавники отбывали свои сессіи и въ половинномъ составѣ—по очереди, по-годно или по четвертямъ года. Въ послѣдствіи, подъ русскимъ уже владычествомъ, вѣроятно, для облегченія войта, и въ средѣ райцевъ, какъ прежде въ средѣ лавниковъ, является *бурмистръ*. Занятія специализируются: завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ переходитъ въ руки *шафара*, сборъ налоговъ и вообще доходовъ—*ин-*

стигатора; райцы, потомъ *ратманы*, въ послѣднее время называются *ратегерами*: въ штатъ Магистрата, кромѣ писаря, входятъ „урядники, подвойскіе“ или вахмистры, а также канцеляристы.

Денежные оклады городскихъ выборныхъ были не значительны. Такъ жалованье войта грамотою Владислава IV (30 марта 1645 г.) опредѣлялось въ 500 злотыхъ, бурмистру и старшему райцѣ грамотою Яна Казимира (12-го генваря 1650 г.) назначено по 300 злотыхъ. Тѣ же оклады этимъ лицамъ значатся и въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича, а прочимъ 4 райцамъ и 6-ти лавникамъ лишь по 60 злотыхъ въ годъ, „какъ изъ давна повелось“. Въ 1778 г., по штату утвержденному сенатомъ, денежные оклады назначены, „съ прибавленіемъ противу прежняго“, въ слѣдующемъ размѣрѣ: войту 400 р., двумъ бурмистрамъ по 250 р., тремъ ратегерамъ по 200 р., лавнику одному 100 р., инстигатору одному 80 р. и писарю 300 р., всего же, считая содержаніе канцеляріи, урядниковъ, вахмистровъ и пр., 3,560 р.

Гораздо значительнѣе этихъ денежныхъ окладовъ былъ такъ называемый *юргенъ*, или *акциденція*, по нашему—довольствіе натурою. По введенному издревле обыкновенію, практиковавшемуся и въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, въ видѣ акциденціи или „юргента“ давалось:

Войту горячаго вина, меду и пива по 100 ведеръ, лѣсу сосноваго по 100 бревенъ, дровъ 100 возовъ, да къ двумъ праздникамъ Рождества Христова и Свѣтлаго Воскресенія меду и пива по 10 ведеръ, и сверхъ того „на рангъ“ его войта давался городской хуторъ съ винокурненнымъ заводомъ, сѣнокосъ на 500 копенъ и рыболовное озеро.

Бурмистрамъ и райцамъ вина горячаго по 60 ведеръ, меду варенаго и пива по 100 ведеръ, „кромѣ праздничнаго“, лѣсу сосноваго по 60 бревенъ, дровъ по 60 возовъ и сѣнокоса по 300 копенъ.

Лавнику и инстигатору горячаго вина, меду и пива, „кромѣ праздничнаго“, по 20 ведеръ, лѣсу сосноваго по 20 бревенъ, дровъ по 20 возовъ и сѣнокоса каждому по 100 копенъ.

Урядникамъ горячаго вина, меду варенаго и пива по 12 ведеръ, лѣсу по 12 бревенъ, дровъ по стольку же возовъ, сѣна не полагалось.

Писарю горячаго вина, меду и пива по 50 ведеръ, лѣсу сосноваго 50 бревенъ, дровъ 50 возовъ да сѣнокосу на 200 копенъ.

Канцелярскимъ служителямъ „юргенсъ даванъ былъ“ по разсмотрѣнію бурмистра и райцы не единообразно, тоже подвойскимъ и разсылщикамъ.

Нѣсколькими словами о прежнемъ помѣщеніи Магистрата мы и заключимъ не многія свѣдѣнія о кievскомъ представительствѣ прежняго времени.

Издrevле главная масса кievскаго населенія ютилась на Подолѣ: тутъ кипѣла торговая жизнь, тутъ помѣщался и Магистратъ,—управленіе и судилище г. Кіева. Съ XVII въ XVIII вѣкѣ отъ прежняго магистратскаго помѣщенія перешли башенные часы съ славянскою надписью 1697 г. Въ XVIII в., по описанію Закревскаго, зданіе Магистрата выдавалось изъ ряда другихъ по своей причудливой архитектурѣ. Это было каменное двухъ-этажное зданіе во вкусѣ рококо, съ большимъ выступомъ въ срединѣ для входа, съ обширною надъ нимъ террасою и круглою съ балкономъ башнею, въ 15 сажень, утвержденною на главномъ фасадѣ. Домъ этотъ оконченъ былъ постройкою въ 1737 г. и находился на пространствѣ между фонтаномъ Самсона и контрактowymъ домомъ, будучи одной стороною обращенъ къ братскому монастырю, а другой къ успенской церкви. Упомянутая терраса заканчивалась красивымъ фронтономъ, на которомъ стояла мѣдная колоссальная статуя Фемиды, съ мечемъ въ одной рукѣ и съ вѣсами въ другой. На башнѣ помѣщались часы; къ нимъ прилажена была и съ ними особымъ механизмомъ соединена мѣдная барельефная фигура кievскаго патрона, архистратига Михаила, до 4-хъ аршинъ въ поперечникѣ. Когда раздавался бой часовъ, стальное копье Архистратига ударяло въ кремнистую часть лежащаго у ногъ его змія. Въ темнотѣ сыпались искры и змій огненнымъ казался. Въ опредѣленные часы дня съ высоты балкона раздавалась игра трубачей; на открытой террасѣ 16 музыкантовъ, вечернею порой, въ хорошую лѣтнюю погоду, усаждали слухъ кievлянъ. Все это вмѣстѣ привлекало иногда къ ратушѣ массы народа. По всему думать можно, что это магистратское помѣщеніе было лучше нынѣшняго его думскаго; но пожаръ 1811 года до тла истребилъ лучшее въ тогдашнемъ Кіевѣ зданіе, которымъ такъ долго любовались кievляне.

Время снесло вѣковѣчное учрежденіе, пламя пожрало его помященіе и отъ прежняго представительства города осталось лишь туманное воспоминаніе...

Кромѣ самоуправленія и самосуда, Кіевъ издревле пользовался привилегією или, точнѣе, обязанностию самозащиты.

Говоря объ этомъ, мы не касаемся періода кіевскихъ князей, временъ борьбы князей изъ-за обладанія Кіевомъ, нападенія на него кочующихъ народовъ, разоренія его татарами и цорабощенія литовцами, — того отдаленнаго времени, когда самозащита была общимъ всѣхъ и каждого правомъ и обязанностию, но не имѣла определенной организаціи, являлась импровизированною въ минуты несчастій. Въ періодъ литовскаго владычества, эта обязанность, не переставая быть общою въ крайнихъ случаяхъ, связывалась съ правомъ владѣнія землею и, регламентируясь извѣстнымъ образомъ, составляла принадлежность особаго класса людей, какъ-то: бояръ, земянъ и впослѣдствіи козаковъ. Но тутъ различалась служба воинская какъ повинность земли, общегосударственная потребность и какъ самозащита общины при отдѣльномъ на нее нападеніи. Кіевляне въ это время несли ту и другую повинность. Съ превращеніемъ кіевского княженія въ намѣстничество и потомъ воеводство, въ Кіевѣ былъ *Замокъ*, солидно укрѣпленный и вооруженный, какъ для отраженія внѣшнихъ нападеній, такъ и для удержанія въ городѣ спокойствія и безопасности; но, пользуясь защитою со стороны государства, кіевляне должны были въ свою очередь участвовать въ огражденіи безопасности ближайшихъ по крайней мѣрѣ къ нимъ областей. Главнѣйшими и постоянными, такъ сказать, врагами кіевской земли и самаго Кіева были въ то время татары. Ихъ набѣговъ въ большей части случаевъ, особливо на пограничьи, нельзя было ни предвидѣть, ни предотвратить. Кромѣ отмѣченныхъ исторією татарскихъ походовъ и нашествій, мелкія партіи татаръ каждагодно и даже по нѣскольку разъ въ годъ появлялись внезапно то въ той, то въ другой изъ русскихъ областей и дѣйствуя налетомъ и захватомъ, проникая во внутрь, на сколько позволяли ихъ силы и обстоятельства, производили большія или меньшія опустошенія, держа населеніе въ постоянномъ страхѣ. Пока постепенно

формировалось козачество и выдвигался все далѣе къ югу рядъ укрѣпленій, обязанность защиты земли отъ нападений татаръ была общеою и, въ соотвѣтствіе ихъ набѣгамъ, постоянною. И кіевляне обязаны были тогда ежегоднымъ хожденіемъ за татарами въ воеводства волынское, брацлавское и подольское, дабы вылавливать ихъ, какъ впоследствии вылавливали сусликовъ на пространствѣ степей новороссійскаго края. Король Сигизмундъ III, какъ писали впоследствии кіевляне, благоволившій къ Кіеву, „бывшему неоднократно театромъ военныхъ государственныхъ произшествій и отличавшему себя всегда усердными подвигами“, грамотою 1624 года освободилъ ихъ отъ обременительнаго и становившагося отчасти уже излишнимъ каждагоднаго хожденія за татарами и повелѣлъ выступать противъ этого врага лишь тогда, когда онъ вторгнется въ кіевское воеводство, или чрезъ оное возвращаться будетъ. Въ этихъ случаяхъ „всѣ кіевскіе мѣщане, находящіеся на лицо, за полученіемъ повелѣнія воеводы кіевскаго съ нимъ или съ подвоеводою его кіевскимъ, обязаны были при королевскомъ войскѣ рушиться *порядко* каждый разъ, когда только сего надобность требовать будетъ“.

Мы не имѣемъ въ виду свѣденій о размѣрахъ кіевскаго отряда, съ королевскими войсками въ такихъ случаяхъ выступавшаго, ни свѣденій объ его организаціи и вооруженіи; мы хотимъ сказать лишь о томъ, какъ изъ права самозащиты, извѣстнымъ образомъ организованной, и обязанности общегосударственной защиты выродился впоследствии тотъ *вооруженный корпусъ в. Кіева*, который существовалъ до недавнихъ дней, которымъ гордились кіевляне и о которомъ сохранилось еще столько преданій и рассказовъ очевидцевъ.

Сознавая себя вольными, чувствуя за собою право и обязанность самозащиты, участвуя наконецъ въ защитѣ себя и земли родной, съ походахъ и дѣйствіяхъ военныхъ, кіевляне приобыкли владѣть оружіемъ, имѣли свои военныя традиціи и не тяготились своею воинскою повинностію, ясно понимая ее, какъ свою собственную самозащиту. На это указываетъ намъ грамота Сигизмунда III-го 22 февраля 1605 г., данная Кіеву по поводу возобновленія кіевскаго замка, сгорѣвшаго передъ тѣмъ отъ громоваго удара. Неоднократно, какъ говорится въ грамотѣ, кіевляне жаловались королю на невозобновленіе въ Кіевѣ замка и на грозившую имъ поэтому

постоянную опасность отъ непріятелей; когда-же королевскій приказъ о семь кіевскому воеводѣ въ теченіи долгаго времени не былъ выполняемъ, а между тѣмъ, въ виду Кіева, въ томъ же (1605) году, вновь показался непріятель-татаринъ, то кіевляне, „не съ какой-либо повинности, которой при постройкѣ и исправленіи замка не обязаны нести, но съ доброй воли, единственно для собственной защиты, рѣшились на собственный счетъ замокъ дубовымъ палисадомъ укрѣпить и оный застроить“. Кіевляне при этомъ просили короля лишь о томъ, чтобы эта добровольная съ ихъ стороны жертва, вызванная чувствомъ самозащиты, не была превращена въ обязательную для нихъ на будущее время повинность, и король ихъ, „какъ людей вольныхъ, магдебургскимъ правомъ пользующихся, тою-же грамотою отъ сего ограждалъ и при всѣхъ ихъ вольностяхъ и на будущее время оставлялъ“.

Во время козацкихъ войнъ Хмельницкаго кіевскій замокъ былъ разоренъ до основанія, а самый Кіевъ, возвратившись подъ державу російскую, былъ освобожденъ отъ участія въ общегосударственной защитѣ и его собственная защита была ограждена со стороны новаго правительства болѣе надежнымъ образомъ, чѣмъ во времена господства королей со стороны воеводъ, возводившихъ и поддерживавшихъ геродскія укрѣпленія, но своему усмотрѣнію, на счетъ получаемыхъ ими отъ воеводства и города доходовъ. Грамотою царя Алексѣя Михайловича 16 іюля 1654 года постановлено, „чтобъ быть кіевскимъ мѣщанамъ отъ ратныхъ службы уволеннымъ, и въ обозъ не ходить, а оберегать себя въ городѣ“. Дарованная теперь льгота подтверждалась и во всѣ послѣдующія царствованія; но скоро и сама защита города оказалась не нужною. Для московскаго государства до преобразованія его въ російскую имперію и впоследствии для самой имперіи Кіевъ сталъ главнымъ стратегическимъ пунктомъ—со стороны Польни, Турціи и татаръ и на укрѣпленіе его было обращено особое вниманіе новаго правительства: строились укрѣпленія, насыпались валы, возобновлялся замокъ, сооружались башни и бойницы, разставлялись пушки, вводились кавалерійскіе и стрѣлцкіе полки и наконецъ (въ 1706 г.) заложена нынѣшняя пещерская крѣпость. Важнѣйшія изъ укрѣпленій относятся ко времени чигиринскаго и прутскаго походовъ и связаны съ именами Алегуковича Черкаскаго и Миниха. Но въ возведеніи

укрѣпленій, въ своей самозащитѣ городъ Кіевъ не принималъ уже никакого участія. Понятія о способахъ государственной обороны повсюду измѣнились, явилось постоянное регулярное войско и защита областей и городовъ стала исключительно достояніемъ государства.

Мы не имѣемъ прямыхъ указаній на время образованія кіевскаго корпуса въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ прошломъ и началъ нынѣшняго столѣтія; но кажется, что начало его надо отнести именно къ тому времени, когда вооруженная сила городской общины становилась не нужною для ея собственной защиты, принятой на счетъ государства.

Когда бы ни явился этотъ корпусъ, образованіе его совершилось просто и легко. Такъ называемые регистровые, т. е. состоящіе на постоянныхъ должностяхъ при Магистратѣ составили готовую команду корпуса и отчасти его кавалерію, которая пополнялась охотниками изъ богатыхъ и почетныхъ гражданъ, а пѣхота и вообще масса корпуса являлась также готовою въ лицѣ цеховыхъ, проще—ремесленниковъ разнаго рода или мѣщанъ. Выборное служилое сословіе командовало, выбиравшая масса по командѣ поступала. Корпусъ имѣлъ свои ружья и пушки, блестящую обмундировку, своихъ трубачей и литаврщиковъ, свою музыку и знамя, или хоругвь; его кавалерія носила названіе „товариства золотой корогвы“. Только численная сила корпуса была не велика—всего 187 человекъ кавалеріи, а пѣхоты по числу цеховыхъ. Какого-либо непріятели сей вооруженный корпусъ не имѣлъ въ виду, бояться ему было некого и служба его была не тяжела. Разъ или болѣе въ году „высылаемъ онъ былъ въ парадъ съ музыкою для почестей встрѣчею посѣщающихъ и шествующихъ чрезъ г. Кіевъ высочайшихъ фамилій и прѣзжающихъ чрезъ оный полномочныхъ чрезвычайныхъ россійскихъ пословъ, посланниковъ и другихъ знатныхъ персонъ“. Въ высокаторжественные церемоніальные дни, въ дни торжественныхъ освященій воды на Днѣпрѣ, 6-го января и 1-го августа, корпусъ былъ выдвигаемъ въ томъ-же видѣ и для той-же цѣли. Парадировали, мѣняли фронтъ и строй, проходили церемоніальнымъ маршемъ, при чемъ слышалась команда: „товщимъ кинцемъ до подошвы!“, напали изъ пушекъ и ружей, трубили въ трубы,

били въ литавры, играли на инструментахъ... Словомъ: „существовалъ и многіе годы содерживался сей вооруженный корпусъ г. Кіева для вящшаго сея древнїя столицы украпеція“. Другими словами: это была одна изъ прерогативъ, вѣдшихъ знамовъ представительства г. Кіева, пережившая самое представительство, какъ нерѣдко форма переживаетъ дѣло.

Упомянутыя церемонїи 6-го января и 1-го августа издревле отбывались въ Кіевѣ съ особою торжественностію и нѣтъ сомнѣнїя, что кіевская община представляла себя на нихъ такъ или иначе. Объ одной изъ такихъ церемонїй упоминаетъ въ своихъ запискахъ завѣдывавшїй постройкою кіевскихъ укрѣпленїй въ послѣдней четверти XVII в. Гордонъ; но описывая всю церемонїю и производившуюся при томъ пальбу, онъ ничего не упоминаетъ о дѣйствїяхъ кіевского вооруженнаго корпуса, изъ чего должно заключить, что самый корпусъ организовался позже.

Судьба корпуса была неодинакова. Въ правленїе Бирона онъ былъ уничтоженъ и мѣщанъ брали въ рекруты. Не существовалъ онъ и позже. Возстановленъ вновь въ началѣ царствованїя Екатерины II и усиленъ артиллерїею новаго калибра. Въ 1768 году Магистратъ озаботился устройствомъ и содержанїемъ при семъ корпусѣ постоянного оркестра. Поводомъ къ сему послужили неудобства, которыя испытывали Магистратъ и корпусъ, при внезапныхъ проѣздахъ и посѣщенїяхъ какихъ-либо высокихъ особъ. Приходилось заимствовать трубачей и литавричковъ отъ полковъ и другихъ командъ, которымъ они въ свою очередь бывали нужны, платить за нихъ деньги, переодѣвать въ соответственное платье, а иногда и вовсе оставаться безъ музыкантовъ. Въ особенности постоянные трубачи и литаврички были нужны „для игранїя ежедневной утренней и вечерней зари, а также полуденнаго 12-го часа“. Магистратъ постановилъ имѣть собственныхъ магистратскихъ музыкантовъ, въ числѣ 16 человекъ, содержать для нихъ капелмейстера и особую школу для постоянного комплектованїя городской „канелліи“. Имъ назначено постоянное жалованье, сооружены церемонїальные и повседневные мундиры, даны нужные инструменты. На постоянное содержанїе и освѣщенїе школы и ремонтъ костюмовъ и инструментовъ положено отчислять изъ городскихъ доходовъ ежегодно по 300 р.

Въ 1790 году въ вооруженномъ корпусѣ Кіева почувствовали, по обстоятельствамъ тогдашняго военного времени, какъ-бы дѣйствительную потребность и рѣшились дать ему назначеніе, которое отвѣчало-бы его названію, а предварительно на всякій случай приспособить его къ военному дѣлу. Этимъ занялся бывший тогда въ Кіевѣ губернаторъ Ширковъ, по распоряженію генераль-губернатора Михаила Ивановича Кречетникова. Составлены были именныя списки и по нимъ приведены въ извѣстность всѣ тѣ кіевскіе мѣщане, которые въ случаѣ надобности могли бы быть употреблены на защищеніе и охраненіе города. Раздѣлили ихъ на хоругви, назначили имъ командировъ, выдали изъ магистратскаго военного депо оружіе: самопаль, цистолеть и нуку и внушили хранить оное во всегдашней исправности, а по временамъ и стрѣлять приучаться. Разъ въ недѣлю, на Оболонѣ, палили мѣщане изъ ружей, дабы къ стрѣльбѣ пріобыкнуть. Кіевскій корпусъ сталъ всеѣмъ вооруженнымъ. Оказалось мало городской артиллеріи, вся она состояла изъ четырехъ пушекъ. Графъ Кречетниковъ далъ еще пять мѣдныхъ пушекъ съ лафетами и къ каждой по 50 ядеръ, по ихъ калибру, со всеми принадлежностями, для надлежащаго пріобученія корпуса. Однако услугами его такъ и не пришлось воспользоваться. Мѣщане подучились по крайней мѣрѣ исправно палить изъ пушекъ и ружей въ церемоніальные дни.

Въ 1798 году 13 іюля пальба и всякія церемоніи неожиданно были прекращены. Иослѣдовало высочайшее повелѣніе, „дабы впредь церковныхъ парадовъ не было, предоставляя сіе единственно резиденціи“. Кіевляне всполошились; собрали всѣ грамоты, привилеи, стали хлопотать чрезъ бывшаго тогда военного губернатора Беклетова и еще въ послѣдній день того-же года дождались отмѣны сдѣланнаго запрещенія. Императоръ Павелъ I-й снисшелъ къ просьбѣ кіевскихъ гражданъ и снова дозволилъ имъ „отправлять издавна введенную въ Кіевѣ января 6-го и августа 1-го церемонію, т. е. „всеѣмъ цехамъ при сабляхъ и ружьяхъ съ хоругвями выходить, а почетнымъ гражданамъ въ одинаковомъ одѣяніи на лошадахъ выѣзжать и на рѣкѣ Днѣпрѣ при освященіи воды пальбу производить“.

И производили, хотя ружья подь часъ безъ замковъ были. За неявку на церемоніи назначался штрафъ: но большинство участни-

ковъ, особливо кавалеристы, являлись охотно. Самолюбію простаго, совсѣмъ мирнаго гражданина, давно забывшаго исторію роднаго города и края, необычайно льстило это внезапное превращеніе два раза въ годъ во образъ почти военнаго человѣка, а для иныхъ и какъ-бы генерала. Вотъ обмундировка этихъ quasi воиновъ вооруженнаго корпуса. На кавалеристѣ атласный фіолетоваго цвѣта жупанъ; поверхъ его кунтушъ темнозеленаго сукна, рукава на „*шметъ*“; всѣ швы обшиты золотымъ сууркомъ, на головѣ высокая смушевая шапка, верхъ бархатный малиновый, кисть золотая; черезъ плечо лядунка, съ боку сабля на шелковомъ поясѣ; сѣдло, вся сбруя оторочены серебромъ, иногда золотомъ, даже стремена серебряныя; при сѣдлѣ пара добрыхъ пистолей. Пѣхотинцы одѣвались въ простые кунтуши, надѣвали также высокія шапки, имѣли каждый при поясѣ саблю, лядунку и ружье. 15-ю хоругвями ихъ командовали цехмистры, выступавшіе съ обнаженными саблями, всѣмъ корпусомъ и всею церемоніею управлялъ бурмистръ. Подробности церемоніи описаны у Закревскаго. Мы приведемъ изъ него лишь слѣдующія заключительныя слова: „при бѣглыхъ выстрѣлахъ изъ пистолетовъ и ружей, громъ пушекъ, звонъ колоколовъ, игра музыки, гулъ огромнаго барабана, звуки трубъ, грохотаніе литавръ, шумъ волнующейся толпы, крикъ тѣснящихся за освященною водою, визги женщинъ и дѣтей, ржаніе лошадей и вторящее эхо—все это производило хаосъ необъятный, но вмѣстѣ торжественный“.

Оканчивался этотъ оригинальный парадъ, всѣ представители и участники его отправлялись на *закуску*: генералитетъ и кавалерія вооруженнаго корпуса—давнѣе въ ратушу, позже—въ контрактный домъ, вмѣстѣ съ духовенствомъ и властями, а пѣхотинцы съ цехмистрами, влагавшими мечь свой въ ножны до слѣдующаго года, —въ управу. Каждому изъ нихъ предоставлялось право палить изъ ружей во весь этотъ день. Ещѣ одно оставшееся право, если не считать неотъемлемаго другаго — пить на радости, сколько кому вздумается. И пили они и при томъ палили, палили и пили, *Руси бо есть веселіе пити*.

Какъ ни сужено и принижено было властное нѣкогда представительство городское, но это двукратное въ годъ участіе его въ пустомъ по видимому парадѣ не оставалось безслѣднымъ. Дважды

въ годъ оно шевелило сонную жизнь города, будило и поддерживало въ его населеніи воспоминаніе о пережитыхъ временахъ „привилеесвъ и вольностей“, хранило дорогую традицію о національности и ея соотношеніяхъ и какъ искру подъ пепломъ берегло духъ воинственный на случай нужды. Двумя опытами доказали это киевляне. Въ 1812 г., когда послѣдняя *гармиза* (гарвизонные солдаты) двинута была на усиленіе дѣйствующихъ армій, старожилы-киевляне безъ приказа сформировали свой вооруженный корпусъ и до возвращенія войскъ содержали караулы въ городѣ и крѣпости. Позже—во время перваго польскаго возстанія они вновь снарядили свою милицію, состоявшую на этотъ разъ изъ 1000 человекъ пѣхоты и 400 человекъ конницы, въ теченія полугода охраняли Кіевъ и кіевскій уѣздъ отъ вторженія непріятели и получили за то Высочайшую благодарность. Не безъ основанія старожилы-очевидцы бывшихъ церемоній такъ краснорѣчиво повѣствуютъ о гордой осанкѣ, воинственномъ видѣ послѣдняго бурмистра, командира вооруженнаго корпуса—Мажнаго, его блестящемъ костюмѣ, дорогомъ скакунѣ, богатой сбруѣ, величественной командѣ. Не изъ мѣщанскаго только чванства говорилъ не такъ давно умершій, очень извѣстный на Подолѣ купецъ, самъ участвовавшій въ парадахъ: „якъ сяду було на коня, кровь въ сердці заграє, самъ себе не признаєшь“... и, послѣ описанія собственнаго костюма, вооруженія и коня, прибавлялъ: „с...й сынъ буду, зовсімъ якъ генералъ! навіть (даже) москали (солдаты), якъ углядять, на карауль було роблять“. Да, традиція была живуча.

Въ 1835 году послѣдовало уничтоженіе въ Кіевѣ такъ называемаго магдебургскаго права и соединенныхъ съ нимъ внѣшнихъ отличій городского управленія. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней чрезъ полицію созвали все представительство городское,—командировъ и нижнихъ чиновъ, на мѣстѣ, гдѣ происходили ихъ quasi военные эволюціи, выстроили въ ряды и объявили царскую волю. Магистратъ переименованъ въ Думу и вмѣсто войта велѣно избирать голову—изъ купцевъ, а между ними къ тому времени взяли верхъ захожіе, пользовавшіеся нѣкоторыми привилегіями, великороссіяне: Дехтеревъ, Ходуновъ и др. Традиционное чувство киевлянъ глубоко оскорбилось. Недовольство ихъ и какъ-бы плачь о потерѣ древнихъ правъ въ рѣзкой формѣ отразились въ стихотво-

реніи, которое тогда-же написано однимъ изъ состава Магистрата, именно его писаремъ, долго ходило по рукамъ, потомъ забыто и теперь съ трудомъ разыскано нами. По этому стихотворенію можно судить о причинахъ сочувствія, какимъ оно долго пользовалось въ средѣ кіевскихъ гражданъ, можно судить о силѣ впечатлѣнія, произведеннаго на нихъ отмѣною магдебурскаго права. Людей, незнакомыхъ съ обстоятельствами его происхожденія, оно могло бы привести къ ошибочному заключенію, что въ немъ отразилась вражда двухъ національностей, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ тутъ коммерческая вражда двухъ купеческихъ партій—захожей, для которой *магдебурія* была какой-то дивій, съ трудомъ произносимый звукъ, и мѣстной, въ сторону которой тянуло и все кіевское мѣщанство. Мы приведемъ это стихотвореніе въ отдѣлѣ „Извѣстій и Замятокъ“ настоящей книжки, какъ мѣстный историческій и литературный памятникъ, а теперь закончимъ нашу рѣчь слѣдующимъ краткимъ эпиграммомъ.

Кіевляне (купечество и мѣщанство), не въ состояніи будучи понять, что широкія нѣкогда права ихъ самоуправленія снесены потокомъ новой наступившей для нихъ жизни, что отъ нихъ осталась одна лишь форма, звукъ пустой, громъо винили, какъ показываетъ упомянутое стихотвореніе, послѣдняго своего войта Киселевскаго въ продажѣ ихъ правъ за деньги, благо онъ деньги любилъ и много вкусилъ отъ общественнаго пирога, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ сохранившіяся архивныя дѣла. Онъ самъ терять всячески почетное и прибыльное мѣсто, а они винятъ его въ продажѣ, когда и продавать-то стало нечего. Странно повторился здѣсь конецъ Запорожья: послѣдній его Кошевой до глубокой старости томился въ Соловкахъ, а пущенное на всѣ стороны товарищество на „Калишша“ въ своихъ думкахъ плакалось...

Не дожило старое, вѣковое самоуправленіе кіевское, немного не дожило до эпохи преобразованій минувшаго царствованія, въ которомъ, какъ въ свое время заявляли москвитинъ старообрядцы, послышался голосъ любезной старины. Отъ этого самоуправления оставалась, правда, одна форма; но и *forma dat esse rei*, когда снова одухотворить ее оживлявшій прежде духъ...